

Книга «Очерки истории формирования молдавского народа» — результат интересных поисков советского молдавского историка Н. А. Мохова. Сравнивая эту книгу с его брошюрой «Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства», вышедшей в Кишиневе в 1959 и 1969 гг., мы можем констатировать, что в рецензируемой книге учтены новые исследования румынских и советских, в частности молдавских, историков, археологов, антропологов и этнографов¹.

Имели значение и работы по проблемам этногенеза, опубликованные на страницах журнала «Советская этнография» в 1970 г. и деятельность Научного совета по проблеме «Славяно-волошские связи и происхождение молдавской народности», организованного в 1970 г. при Отделении общественных наук Академии наук МССР (председатель Н. А. Мохов). Поскольку эта проблема имеет для истории Молдавии первостепенное значение, в состав комплексного совета вошли историки, археологи, этнографы, лингвисты и антропологи из научных центров Кишинева, Москвы, Львова и других городов. С 1970 г. было проведено восемь сессий Научного совета. Были изданы тезисы докладов, сборник статей, кроме того в различных изданиях напечатаны работы по проблемам славяно-волошских связей и происхождения молдавской народности².

Во «Введении» к рецензируемой работе автор на основе марксистско-ленинской методологии отметил новые моменты в развитии исследований, посвященных проблемам происхождения молдавского народа. Жаль, правда, что во «Введении» не дан обзор советской литературы последних лет. Впрочем, частично это сделано в главах книги.

В первой главе — «Появление в Подунавье романизованного населения» — отмечается, что территория к востоку от Карпатских гор и до Днестра не входила в состав Римской Дакии. Проживавшие там фракийцы (геты, карпы) и сарматы (ираноязычные племена) не подвергались романизации (с. 33), следовательно, речь может идти только о влиянии Рима на сферу торговли и искусства у местного населения. Что же касается тезиса о романизации Карпато-Дунайского региона в целом, то нам кажется, что эти страницы главы первой удобнее рассматривать вместе с материалами третьей главы, являющейся ключевой в «Очерках».

Вторая глава — «Славяне в Подунавье (до XIII в.)» — сжатый очерк о перемещении славян в Юго-Восточной Европе. Для характеристики населения этих мест укажем на отсутствие генетической связи между черняховцами и сменяющими их славянами в Молдавии и в основе будем считать славянское население здесь пришлым (с. 46). Славяне (южные и восточные), как правильно пишет Н. А. Мохов, являлись существенным компонентом в этногенезе восточных романцев. В подразделе этой главы — «Материалы истории молдавского языка как исторический источник» — автор высказал мысль об особой роли восточных славян в развитии молдавской народности. Интересны также материалы о балкано-дунайской археологической культуре VIII—XI вв. Основу населения составляли славяне (южные) и протоболгары. Некоторые археологи полагают, что среди них были и волохи, но археологами следы их пока не обнаружены (с. 46). В Балкано-Дунайской археологической культуре отмечены также фракийские элементы. Фракийский язык сохранился еще в VI в. на той территории, на которой позже появилось Первое болгарское царство. Следовательно, фракийские элементы естественны для балкано-дунайской культуры.

Не останавливаясь подробно на вопросе о политических объединениях берладников и бродников, Н. А. Мохов совершенно правильно указал, что все они «не могли не оказать определенного влияния на формирование нового (Молдавского.— В. К.) государства» (с. 52).

Третья глава рецензируемой работы посвящена формированию волохов как особой этнической общности. В ней обстоятельно раскрыта роль славян в развитии волошской общности. Проблема же романизации центров Карпато-Дунайского региона в античности и в средние века освещается в первой, третьей и даже в четвертой главах, причем с некоторыми противоречиями (с. 31—34, 55, 57, 58, 60, 76, 81—90). В результате сколько-нибудь ясной картины развития восточных романцев на Днестровско-Балканских землях не создается.

¹ Монография: М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975; Л. Л. Полевой, Г. Б. Федоров. Археология Румынии. М., 1973; И. А. Рафалович. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972; Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975; Г. Б. Федоров, Г. Ф. Чеботаренко. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев, 1974 и т. д., а также сборники: «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинев, 1972; «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев». М., 1976; «Славяно-волошские связи». Кишинев, 1978 и т. п. Во все кишиневские издания Н. А. Мохов внес определенный вклад и как автор и как редактор.

² См. В. С. Зеленчук, Т. Д. Златковская. О работе Научного совета по проблеме «славяно-волошские связи и формирование молдавской народности». — «Сов. этнография», 1978, № 2, с. 123—130; Н. А. Мохов, В. С. Зеленчук, П. В. Советов. Итоги и перспективы работы Научного совета по проблеме славяно-волошских связей и происхождения молдавской народности. — «Славяно-волошские связи», с. 3—18.

Новая средневековая волошская общность, на наш взгляд, сформировавшаяся к IX в., включила в себя романизированных потомков фракийцев, иллирийцев, отчасти кельтов и, безусловно, славян. Развитие этой общности продолжалось и позднее: одновременно шли — глоттогенез и этногенез.

В четвертой главе — «Общественно-экономический и политический строй Подунавья в XII—XIV веках. Появление молдавского этноса» — обобщаются результаты исследований советских историков, археологов и лингвистов за 10 лет³. Речь в ней идет о социально-экономических и внутривосточных процессах в молдавском феодальном обществе. Автор сумел дать общую картину развития молдавского этноса, указав, что «выделение молдаван из общей массы волохов в особую — этническую общность произошло после расселения (из Трансильвании — В. К.) волохов на земли к востоку от Карпат. Здесь они встретили и ассимилировали остатки восточных славян. Унаследованные от этих славян черты в культуре и быту, усиленные в процессе последующих контактов с восточными славянами, составляют одну из специфических особенностей молдавского этноса» (с. 92). В этой же главе автор рассмотрел социально-экономический строй молдаван в XIV—XVI вв., осветил особый тип их хозяйства — пастушеско-земледельческий или животноводческо-земледельческий, дал анализ общины, основанной на волошском праве.

Столь же удачна и пятая глава очерков — «Образование Молдавского государства». Однако автор упустил в ней очень важный момент, а именно расстановку внешних политических сил.

И, наконец, последняя, тоже удачная, яркая шестая глава — «Роль государства в консолидации молдавского этноса», в которой рассматриваются вопросы молдавско-русских и молдавско-украинских связей, русская помощь обществу и государству Молдавии. Выводы в ней четко сформулированы: «Существование независимого государства оказывает многостороннее влияние на развитие общества, в том числе — на консолидацию этноса», — пишет автор (с. 104). «Молдаване четко отделили себя не только от поляков, венгров и других народов, но и близкородственных валахов (мунтенцев)» (с. 105).

Книга Н. А. Мохова «Очерки истории формирования молдавского народа» является работой итоговой и поисковой. Повторы или небольшие неточности практически не снижают ценности книги. А некоторые противоречия в ней отражают лишь состояние исследования отдельных проблем, их недостаточную изученность в советской и зарубежной науке. Более того, такие противоречия дают возможность провести в будущем в разных научных центрах серьезные обсуждения спорных проблем, затронутых автором. Книга эта является зачином большого труда «Происхождение молдавской народности», который создается в Отделе этнографии АН МССР. Археологи, историки, этнографы, лингвисты, безусловно, прочтут эту книгу с большим интересом.

В. Д. Королук

³ «История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)». Кишинев, 1976, с. 56—130; «Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения». Кишинев, 1977, с. 20—40; 204—213; 324—330 и др.

Pertti Virtaranta. Vienen kyliä kiertämässä. Karjalaiskylien entistä elämää Venehjärvestä Kostmaukseen. Kirjayhtymä, Helsinki, 1978. 287 s.

Соглашение между Советским Союзом и Финляндией о сотрудничестве в области науки и техники предоставило исследователям истории культуры финно-угорских народов возможности более глубокого изучения сложных проблем генезиса и взаимодействия культур. На основе этого соглашения советские и финские ученые могут собирать материал и проводить полевые исследования в нужной им области на территории обеих стран. Известен вклад финских исследователей, начиная с Кастерна, в финноугроведение. Интерес современных финских ученых к вопросам языкознания, фольклора, этнографии финно-угорских народов не ослабел, хотя и носит более дифференцированный характер. На смену описаниям, широко охватывавшим явления, пришло углубленное изучение отдельных проблем¹. Среди финских исследователей, особенно интенсивно ве-

¹ Библиографию по этнографии, фольклористике и языкознанию финно-угорских народов за последние годы см. «Bibliografia 1971—1974. Review of Finnish Linguistics and Ethnology 21», — «Studia Fennica 21», Helsinki, 1978. Библиографию советских работ по этнографии и фольклористике Карелии см.: «История, археология, этнография Карелии. Библиографический указатель советской литературы за 1917—1965 гг.». Петрозаводск, 1967, с. 268; «Научная конференция Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции». Петрозаводск, 1968, с. 132—243; см. также сборники статей «Этнография Карелии». Петрозаводск, 1976 и «Фольклористика Карелии». Петрозаводск, 1978.